

*А. В. Морозов, д-р филол. наук, проф.,
зав. каф. межкультурных коммуникаций*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСТВА

Осенью 2011 г. в Москве лидерами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации были подписаны Декларация о евразийской экономической интеграции и Договор о Евразийской экономической комиссии, которая непосредственно займется созданием к 2015 г. институтов Евразийского экономического союза. В этой связи научный интерес представляет культурно-исторический анализ идеологии евразийства с точки зрения динамики форм и способов ее воплощения.

В настоящее время в рамках системного исследования межкультурных коммуникативных практик на постсоветском пространстве по отношению к формирующемуся Евразийскому экономическому союзу в целом и его отдельным государствам больше всего востребован стратегемно-дискурсивный подход к изучению и моделированию коммуникативных технологий и процессов. Данный подход дает возможность выделить действительных субъектов дискурса, в чьих явно или неявно выраженных интересах, собственно, формируется и развивается межкультурное взаимодействие, а также установить и всесторонне исследовать те политические и иные формы, способы и механизмы, с помощью которых целенаправленно выстраивается коммуникативное пространство определенного типа.

На 1920–30-е гг. приходится *первый «классический» этап* евразийства, отводящего восточнославянскому региону, Казахстану и Центральной Азии «срединное» место между Европой и Азией как особому геополитическому миру и цивилизационному пространству. Начало идеологии евразийства положил изданный в Софии сборник статей Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского и П. П. Сувчинского «Исход к Востоку» [7]. Развивая традицию поздних славянофилов, авторы сборника провозглашали Россию особым культурно-историческим типом – «Евразией», акцентируя внимание на ее связи с азиатско-тюркским миром и противопоставляя «Европе», т.е. Западу.

Следует признать, что евразийская концепция явилась своеобразной «продолжательницей» государственных доктрин Московской Руси и Российской империи. Россия испытывала такое экономическое, политическое и духовное влияние Востока, какое не могла испытывать ни одна страна Европы. Азиатский способ производства с присущей ему спецификой классовообразования оказывал решающее воздействие на формирование национального характера, социальную психологию представителей всех национальностей, населявших Россию. Азиатский способ производства определил и по преимуществу индифферентное отношение к свободе и самой жизни личности, которое трансформировалось в крепостное право и самодержавие.

В основу теоретических построений идеологи евразийства положили теорию культуры, содержащую ряд положений, которые позднее нашли свое применение в концепциях этнических культур и локальных цивилизаций.

Особый интерес имеют представления евразийцев о характере контактов между особыми этническими культурами, или «культурными мирами», о возможных результатах этих контактов и об особенностях интеграции отдельных локальных культур в более крупные многокомпонентные сообщества. Евразийцы рассматривали культуру как сложную иерархическую систему, состоящую, подобно матрешке, из входящих друг в друга разноуровневых элементов. Так, Л. П. Карсавин считал необходимым различать культурные миры («христианский», «мусульманский» и т.д.), региональные общности (европейско-католическая, евразийско-русская и пр.) и входящие в них отдельные народы [8, с. 30, 65].

Согласно этой концепции, между цивилизационными элементами, составлявшими единую общность, было больше культурных сходств и, следовательно, больше взаимопонимания, чем между входящими в разные общности. Данные сходства не столько порождались общей генетической основой, сколько возникали в процессе тесных межкультурных контактов. Рассматривая экспансию «русской» (восточнославянской) культуры на всю территорию Евразии как ипостась глобального процесса обретения народами Евразии территориальной целостности, геополитического самосознания и государственности, идеологи движения уделяли особое внимание продуктивному культурному и генетическому синтезу «русского» и «туранского» начал евразийской культуры.

Важнейшим положением в доктрине евразийцев было их отношение к роли государства как инструмента принуждения, особенно необходимого в условиях Евразии, где либеральная идеология, по их мнению, всегда оставалась чем-то чуждым и непривычным для большей части населения. Переосмысливая славянофильское понятие соборности, евразийцы считали наиболее подходящей для России формой государственного устройства так называемую идеократию, т.е. такой принцип организации общества, когда выдвинутый народом «правлящий слой» объединяет и сплачивает определенная идея или доктрина (в русских национальных условиях – традиционное православие). «Тот тип отбора, который, согласно евразийскому учению, ныне призван установиться в мире, и в частности в России – Евразии, писал Н. С. Трубецкой в статье «Идеократия и армия», – называется идеократическим и отличается тем, что основным признаком, которым при этом типе отбора объединяются члены правящего слоя, является общность мировоззрения» [14, с. 3]. Пониманием и практическим осуществлением этого принципа евразийцы, в частности, объясняли и чисто организационные успехи большевиков, цинично подменивших православие импортированным марксизмом-ленинизмом. Развившаяся в условиях тоталитарной социально-политической системы многонациональная советская культура, по сути, объединяла культурные начала Европы и Азии.

Идеи классического евразийства согласуются со сложившимся во второй половине XX в. на Западе в рамках гуманитарной науки направлением, которое основывается на представлении о цивилизациях как локально-исторических образованиях, сущность которых сводится к специфике социокультурного кода. Сторонники этого направления считают, что не стоит преувеличивать значимость унификации мира на базе западной экономической системы, так как подобная унификация коренным образом не изменила главного – духовного кода жизнедеятельности людей, принадлежащих к разным типам цивилизационной общности. Попытки механической трансплантации экономических и политических институтов в иную социокультурную среду заканчивались, как правило, их отторжением, и, наоборот, они становились эффективным средством решения проблем развития, если вписывались в «горизонт» культурных ожиданий, соответствуя запечатленным в фольклоре ценностям и

национальному менталитету [9], а также традициям межкультурного диалога.

Практически забытые ко второй половине XX в. идеи евразийства были творчески переработаны Л. Н. Гумилевым [1–3] в концепции этногенеза, согласно которой суперэтнические целостности формируются на основе обобщенного стереотипа поведения, разделяемого представителями различных этносов единого суперэтноса; стереотип поведения суперэтнической целостности представляет собой некоторый способ бытия, отвечающий определенным условиям существования. Л. Н. Гумилев показал, что на территории Евразийского материка необходимо выделять несколько доменов, обладающих собственными условиями существования, которые приводят к устойчивой форме функционирования этносов. Евразийский Восток выступает не просто как варварские земли на периферии цивилизации (приравненной к западной цивилизации), но как самостоятельный и динамичный центр этногенеза, культуры, политической истории. Запад и его история Гумилевым релятивизируются; при этом евразийская культура и созвездие евразийских этносов обнаруживаются как многомерный и совершенно не изученный мир – со своей шкалой ценностей, историческими закономерностями, практикой межкультурного диалога.

Л. Н. Гумилев развил общеевразийскую идею о том, что этнически великороссы, русские представляют собой не просто ветвь восточных славян, но особый этнос, который сложился в результате тюркско-славянского слияния. В книге «От Руси к России» Л. Н. Гумилев обосновывает наличие конкретной суперэтнической общности – России, и показывает, что российский способ бытия включает в себя целый комплекс восприятий и образов: от «речного» и «лесного» до «степного». Консолидируя в своей сущности и европейское, и азиатское, Россия выступает как самобытная цивилизация [2].

Со второй половины XX в. начинается *второй «неоевразийский» этап* рассматриваемой идеологии как ответ на во многом деструктивные, геополитические процессы (идеологическая и военно-политическая экспансия Запада, крушение системы социалистического лагеря, распад СССР и СФРЮ). Неоевразийство, помимо своего интеллектуального наследия и общих принципов континентальной геополитики, приобрело особое значение именно в той мере, в какой оно способно не просто

геополитически объяснить логику происходящих исторических событий, но выработать собственный футурологический проект, способный противостоять проектам Запада.

Отличительной чертой идеологии неоевразийства (особенно в 1990-е и 2000-е гг.) становится углубленное развитие геополитической методологии, ее активное использование при компаративном анализе разнообразных политических, социально-экономических и культурных явлений (работы А. Г. Дугина [5; 6], А. С. Панарина [10; 11] и др.). В Российской Федерации неоевразийство постепенно приобретает популярность в среде патриотически настроенных представителей интеллигенции. В 2000 г. неоевразийцы принимают окончательное решение о придании движению статуса общероссийского политического движения «Евразия» (учредительный съезд данного движения был проведен в Москве 21 апреля 2001 г.).

Кроме того, с начала 1990-х гг. идеология евразийства приобретает новый смысл, являясь теоретической основой стратегии политики Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева по становлению Евразийского геополитического, экономического и социокультурного сообщества. 29 марта 1994 г. в своей речи в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова Н. А. Назарбаев впервые напрямую обратился к интеллектуальной элите всего Содружества с предложением вывести из ступора процесс многосторонней интеграции, в котором СНГ оказалось уже через два года после создания, и предложил сформировать на постсоветском пространстве качественно новое интеграционное объединение – Евразийский союз государств. Идеи евразийства получают в Казахстане мощное развитие и всестороннее научное и идеологическое обоснование, в том числе проблемы наличия евразийского менталитета и особой ветви мировой философии – евразийской философии [13].

К началу второго десятилетия XXI в. многим политикам, общественным и научным деятелям Евразия представляется в качестве альтернативного Западу источника важнейших цивилизационных процессов. В октябре 2011 г. в специальной статье В. В. Путин заявил о необходимости создания Евразийского экономического союза, а затем и Евразийского союза как «мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной

«связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [12, с. 1]

В подписанной Президентами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации Декларации о евразийской экономической интеграции заявляется о переходе к следующему этапу интеграционного строительства – Единому экономическому пространству (ЕЭП), открытому для присоединения других государств [4]. С 1 февраля 2012 г. начал функционировать первый межгосударственный регулирующий орган на постсоветском пространстве – Евразийская экономическая комиссия, наделенная функциями по осуществлению руководства интеграционными процессами в формате Таможенного союза и ЕЭП.

Таким образом, во втором десятилетии XXI в. формируется *третий «праксеологический» этап* евразийского движения и соответствующей идеологии, когда евразийство переходит из области научных и общественно-политических дискуссий в сферу политтехнологий и практических действий по реализации конкретного интеграционного проекта. При этом идеология неоевразийства из сферы геополитического теоретизирования переходит в сферу геочивилизационных практических действий: на данном этапе выдвигаются конкретные цели цивилизационного характера. Прозападная идеология классического либерализма трансформируется в выстраивание прежде всего взаимовыгодных экономических и межкультурных отношений в рамках самобытного цивилизационного блока; на последующем этапе предполагается политическая интеграция по опыту Европейского союза, предполагающему равенство партнеров по интеграции.

---

1. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев – М. : Мысль, 1989. – 766 с.

2. Гумилев, Л. Н. От Руси к России : очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев – М. : Экопрос, 1994. – 416 с.

3. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук / Л. Н. Гумилев. – Л. : ЛГУ, 1973. – 33 с.

4. Декларация о Евразийской экономической интеграции [Электронный ресурс]. – URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1091.

5. Дугин, А. Г. Мистерия Евразии / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея, 1996. – 191 с.

6. *Дугин, А. Г.* Основы геополитики / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея-центр, 2000. – 928 с.
7. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев :* сб. ст. – София : Рос.-Болг. кн. изд-во, 1921. – Кн. 1.
8. *Карсавин, Л. П.* Феноменология революции / Л. П. Карсавин // Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5. – С. 28–74.
9. *Морозов, А. В.* Фольклор в духовной культуре восточных славян / А. В. Морозов – Вильнюс : Ксения, 2005. – 196 с.
10. *Панарин, А. С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) / А. С. Панарин – М. : ЦОП Ин-та философии РАН, 1994. – 262 с.
11. *Панарин, А. С.* Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 352 с.
12. *Путин, В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В. В. Путин // Известия. – 2011. – 4 окт. – С. 1–2.
13. *Сидорович, А.* К 15-летию евразийской идеи Нурсултана Назарбаева. Жизнеутверждающая сила евразийства / А. Сидорович // Казахстанская правда. – 2009. – 10 апр.
14. *Трубецкой, Н. С.* Идеократия и армия / Н. С. Трубецкой // Евразийская хроника. – Париж, 1928. – Вып. 10. – С. 3–8.